

АЛЕКСАНДРА АСТАФЬЕВА

Александра Астафьева
С Новым соседом!

«Литнет»

2024

Астафьева А.

С Новым соседом! / А. Астафьева — «Литнет», 2024

— Ты кто такой? И какого черта делаешь в моем доме?! — У меня к тебе те же вопросы...*** Узнав об измене своего жениха, решаю уехать из города. Но план уединения в канун Нового года проваливается с треском, когда в загородном доме моей бабушки неожиданно обнаруживаю дерзкого и привлекательного брюнета. Холодно не будет, будет смешно и горячо!

© Астафьева А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Ксения

— Ксюш, я все объясню, — Артур выставляет руки перед собой в защитном жесте, как только появляюсь на пороге нашей съемной квартиры.

Я не уведомила его о своем внезапном возвращении в город. Думала, сюрприз устроить.

В итоге, сюрприз устроили мне. Приятный такой, что хоть от счастья ори на весь дом.

В груди все клокочет, ноги трясутся, слезы застилают глаза. Мир, кажется, рушится вокруг.

Но я не заплачу! Держусь изо всех сил. Не стану лить я слезы перед этим козлом!

А так хочется... Прямо разрыдаться в голос.

— Ксюш, — блеет он где-то рядом. — Подожди...

Когда я выходила из лифта, я видела девушку, его сотрудницу. По ее румянному виду и насмешливому взгляду, которым она наградила меня буквально две минуты назад, можно было догадаться, чью квартиру она покинула.

А сомневаться вскоре вовсе не пришлось. Мой суженный, Артур Галимов, не подозревая о моем появлении, высунулся из ванны в чем мать родила, и проквашал на весь дом: «Пуся, ты забыла свои трусики!»

Пуся. Серьезно?

Просто рука-лицо.

Сейчас, продолжая выставлять перед собой руку, мой полуголый парень и без пяти минут жених, пытается выйти сухим из воды.

— У меня с ней не было ничего, — звучит не совсем убедительно, когда, быстро натянув джинсы, пытается пальцами застегнуть плохо поддающуюся ширинку. Резко дергает вверх и прихватывает причинное место, матерясь на всю квартиру.

Так ему и надо.

— Совсем ничего? — впервые подаю голос, который предательски дрожит.

— Клянусь, — прикладывает руку к сердцу, чуть отдышавшись.

— Вчера или сегодня? — вздергиваю бровь.

— Вчера... — попадаетея придурок на удочку.

Не разуваясь, прохожу мимо него, нарочно задевая своим плечом.

— В смысле... — он бьет себя ладонью по лбу. — Да блин! Ксюш!

Наспех решаю собрать вещи первой необходимости, чтобы уйти отсюда.

Навсегда.

Мысленно обещаю себе: моей ноги здесь больше не будет. И не только здесь. Вообще в его жизни.

— Ну, ты же это несерьезно? — делает попытку превратить все в смех.

Напрасно.

— И куда ты собралась ночью? — Артур сразу меняет свой тон на более грубый, когда я полностью его игнорирую. Бубнит, какая я все-таки дурочка.

— От дурака подальше, — стараюсь звучать как можно хладнокровнее и выглядеть соответствующе.

— И че? Пойдешь к другому дураку? — смеет ухмыляться противно. — Кто он?

Здрав голову вверх, тяжело выдыхаю в потолок.

Боже, в кого я была влюблена? За кого я собиралась замуж?

— Ты сама виновата, — ловко переводит на меня стрелки, — постоянно работаешь, мотаешься по командировкам, встречаешься с другими людьми тебе нужными, меня с собой не берешь ни на одно мероприятие...

— Тебе никогда не было интересно то, чем я занимаюсь, потому я и не утруждалась, — ставлю сумку у порога, спокойно отвечая на его глупую претензию, которой он намерен прикрываться до конца.

— Ага, а я, значит, должен тут сидеть как собачонка на привязи и ждать погоды у моря? — повышает голос.

— В отличие от тебя я не изменяла, — сглатываю подступивший ком к горлу.

— Конечно-конечно, — смеется он в ответ, складывая руки на груди. — Не заливай мне, Ксюш. Зуб даю, ты тоже не совсем честна со мной...

Вот же сволочь какая...

— Зуб даешь? — спрашиваю его, приподняв брови.

— А ты не веришь?

Что ж, сам напросился.

Сила и злость накапливаются в моем кулаке. Замахиваюсь и бью по его роже так, как он учил меня когда-то. И в нос добавить не забываю. В целях самозащиты. А я как раз это делаю — защищаюсь.

Пока Галимов воет, держась за челюсть, я быстро хватаю своего кота Уголька — вислоухого шотландца, рюкзак с вещами, и выхожу из квартиры, которую когда-то любила.

Сажусь в машину, сжимая пальцами руль, пытаюсь справиться с эмоциями. Ощущение предательства колет сердце, вызывая боль по всему телу.

Я уеду. Уеду прямо сейчас, и пусть он катится к черту...

Бросив взгляд на переноску с котом, который покоится рядом на сиденье, прикидываю в уме, куда бы тронуться с этого места.

Ехать к матери — не вариант. Она заставит проглотить обиду и выпроводит меня мириться с мужчиной, который изменил, и, возможно, изменит еще много раз.

Нагрянуть к подруге Катьке Самсоновой? Тоже так себе идея. И потом, когда мы видимся, мы не просыхаем, а тут опять — тот самый повод подвернется.

Нет, мне нужно куда-нибудь, где я буду отрезана от всех. Если понадобится, то и Новый год встречу одна. Ну, не совсем одна, а с Угольком, конечно. Меня он точно никогда не предаст.

Копаясь в сумочке в поисках связки ключей, нахожу мне нужный, и выдыхаю удовлетворенно.

Погода сегодня хоть и морозная, но без снегопада, поэтому на дороге более-менее безопасно. Не замечаю, как вечереет, когда подъезжаю к бабушкиному дому за городом, где проводила много времени когда-то.

Выходя из автомобиля, сразу ощущаю родной уют, окутывающий каждый уголок этого прекрасного двухэтажного дома, который несколько лет назад наша семья отстроила своими силами, обеспечив его водоснабжением и электричеством. Одним словом, мы превратили терем в загородный дом. Теперь это место будет для меня самым лучшим и безопасным.

Воздух на улице наполнен легким ароматом хвойной свежести, щеки пощипывает морозцем, а в глаза бросается очищенный от снега двор.

Это странно, поскольку, бабушки давно не в живых, и в последний раз мы с мамой приезжали сюда осенью. Не исключено, что дед Петя, живущий по соседству, продолжает присматривать за домом в наше отсутствие.

Ну, спасибо ему.

Вставив ключ в замок двери, уверенно проворачиваю его. Дверь скрипит в ответ, и меня встречает знакомый запах наряду с обволакивающей теплотой. В памяти мгновенно всплывает аромат бабушкиных пирогов, которые она готовила специально для меня. Мягкие ковры на полу создают приятные ощущения под ногами. Деревянная мебель с тонкой резьбой выделяется среди прочего. Здесь ничего не изменилось. Все осталось на своих местах. Словно бабуля все еще жива и ждет меня к себе в гости.

— Давай, топай, мой хороший.

Уголек здесь ни разу не был, поэтому знакомлю его с обстановкой и домом в целом. Обнюхивая пол, он аккуратно ступает по нему лапками, а затем скрывается в одной из комнат.

Я сразу же направляюсь в ванную комнату. Тело ломит от стресса, и сама я дико устала. Решаю принять душ, мечтаю после завалиться спать на одну из кроватей с толстыми матрасами.

В душевой не замечаю времени. Вместе с мылом стираю с кожи следы сегодняшнего напряжения и, с помощью песен, вымещаю из своей головы образ Артура. Певица из меня никудышная, но таким образом стараюсь забыть о нем. Хоть на мгновение.

Расчесав длинные черные волосы и обернувшись в крохотное махровое полотенце, выхожу из ванной комнаты.

На телефоне ни звонков, ни сообщений. А еще сеть периодически пропадает. И Уголька след простыл.

Возможно, мой любопытный британец в чулане бродит?

Если бы...

К моему удивлению и страху, какие-то шорохи доносятся со стороны кухни.

Следом слабый, но четкий собачий скулеж. Он разносится по комнатам, заполняя пространство странным напряженным звучанием.

Собака?

Откуда ей здесь быть?!

Паника ударяет по телу, представляя, как кто-то чужой пробрался в мой дом, атмосфера которого становится непонятной.

Сжимаю узел полотенца на груди, иду на цыпочках в сторону звука, к которому присоединяется чужой мужской голос.

Господи...

Звуки наполнены чем-то необычным и пугающим. Но больше всего меня бесит то, что я не одна в собственном доме.

Зависнув у входа на кухню, вижу картину, которую мне не забыть никогда.

Белая пушистая псина улеглась под столом и на мое появление реагирует неохотно. Только морду с высунутым языком лениво поворачивает на меня.

Сердце бьется сильнее, а дыхание становится неровным при виде еще одного постороннего — обнаженного по пояс незнакомца. Он стоит у окна с кружкой чая в руке. Пока разглядывает зимнюю сказку во дворе, я заворожено пялюсь на очертания его совершенного тела.

КТО ОН? И что здесь вообще происходит?

Мышцы предплечий привлекают взгляд своими объемами. Широкая спина, узкая талия, твердая стойка, крепкие ягодицы, упакованные в стильные джинсы...

Вообще-то я должна орать как резанная, поскольку в моем доме какой-то чужак с собакой, но все что я делаю, это незаметно прикусываю зубами нижнюю губу, продолжая поедать глазами сие великолепие.

В мужчине уверенно сочетаются элегантность и сила. А кожа... Смуглая и влажная.

Заткнись, пульс!

— Выглядишь лучше, чем поёшь, — голос незнакомца возвращает мои глаза на его откровенно ухмыляющийся фейс.

Ч-что?..

От него не исходит какая-либо опасность, но и дружелюбностью не пахнет. В нем преобладает ирония наряду с надменностью и холодностью во взгляде, но спорить не стану, атмосферу небольшой кухни он заполнил своей божественной привлекательностью.

Полотенце, которое все еще на мне, слишком короткое. Оттягиваю его вниз, чувствую, как незнакомец скользит своими выразительными зелеными, боже мой, глазами по моим обнаженным ногам.

— Это комплимент? — хочу откашляться.

— Скорее, проверка на скромность, — проговаривает с подстебом и отворачивается к окну.

Грубиян.

Его интерес ко мне равен нулю, как и собаки, которая все еще лежит под столом и ухом даже не шевелит.

И я хороша. Стоило появиться здесь какому-то красавцу, как мои мозги превратились в кашу.

— Ты кто такой? — приходя в себя, бросаю возмущение в крепкую обнаженную спину незнакомца. — И какого черта делаешь в моем доме?!

Он лениво оборачивается, и медленно награждает меня взглядом из-под нахмуренных бровей.

— У меня к тебе те же вопросы...

Глава 2

Ксения

— В смысле, у тебя ко мне вопросы? — чуть ли не задыхаюсь от его наглости, крепко сжимая в руке край полотенца, под которым абсолютно нет ничего. Кроме моего голого тела.

Он это подмечает, прожигая меня своими глазами с дьявольским огоньком, при этом, успевает облизнуться.

Козел!

— Кто. Ты. Такая? — членораздельно проговаривает этот симпатичный умник. — И какого черта делаешь в моем доме?

На моем лице изображено ошеломление невиданной величины, когда этот Аполлон Бельведерский продолжает нагло допытываться.

— Слушай, не борзей, — меня уже от его сверхнаглости бьет трясучка, — а то я...

— Что? — зеленые глаза задорно горят.

— Я... Я вызову полицию! — кричу и замахиwaюсь настольной лампой, которую хватаю с комода.

— Джек, сидеть! — грозным голосом он вдруг командует своему псу, который собирается защитить своего хозяина. Тот послушно подчиняется, но уши на всякий случай держит торчком, и наблюдает за моими действиями.

— Прекрасно! — вырывается нервный смешок из груди. — Не хватало мне еще, чтобы в собственном доме меня загрызла какая-то собака.

— Не какая-то, — наконец-то отлепляется от окна и подходит к питомцу, чтобы ласково потрепать его мордочку. — Знакомься, это Джек.

— Мне все равно. Проваливайте оба из моего дома! — восклицаю и сдуваю мокрый локон с лица, который не поддается.

В ответ получаю предупреждение в виде собачьего лая.

— Из твоего дома? — переспрашивает незнакомый мужик.

— Да, моего! А ты в нем посторонний, — тычу в него предметом в своей руке и дергаю подбородком вверх. — И я имею полное право вышвырнуть тебя отсюда!

Он как-то странно смотрит на меня. То ли с издевкой во взгляде, то ли с подозрением — не определяю.

Мне совершенно до лампочки, что у него в голове. Главное, чтобы он исчез. Немедленно.

Стоя практически голой и босой перед ним, трясусь от холода и его настырного взгляда, который до сих пор гуляет по мне с особым любопытством.

— Убери от меня свою собаку, — требую от него.

Не успеваю опомниться, как его пес уже крутится возле меня, обнюхивая.

Подлиза.

— Джек не кусается.

— Но он меня нюхает, — делаю два шага назад, когда кожу ног гладит мокрый шершавый нос. — Ай.

— Джек добрый, милый песик, — уверяет меня. — Он с тобой знакомится.

Танцуя как дура, увиливаю от собаки, а этот гад продолжает стоять и посмеиваться.

Так-то я животных люблю, но собак с детства боюсь.

Пес тявкает в ответ, а затем лезет своей мордой мне прямо между ног.

— Ой! — отскакиваю от него в испуге. А он все равно тычется нагло.

— Джек, хорош, — лениво одергивает его хозяин. — Прекрати, я сказал.

— Дже-э-эк! — уже я прошу его.

Улыбка сползает с лица незнакомца, когда видит, что животное не слушается, а еще больше — задирает носом край полотенца.

Эта собака такое же невоспитанное хамьё, как сам хозяин.

— Фу! Джек! — морщится он, словно в отвращении. — Фу, я сказал!

Что значит, фу?!

Сам он «фу».

Смущенно поправляю на себе сырую ткань и инстинктивно пячусь назад.

В этот момент «мяу» и ощущение мягкого пушистого комка под ногой заставляет меня вздрогнуть.

— Уголёчек, — зову свою прелесть.

Наконец-то, хоть одна морда знакомая.

— Уголёк.

Пришел мне на помощь, бедняжка... Мамино солнышко...

Хочу взять его на руки, вот только он замер на месте, словно статуя, и готов дернуть лапами отсюда при первой же возможности. Внезапно в воздухе возникает напряжение между котом и собакой, как у меня с незнакомцем.

Только не это.

— Джек, нельзя, — слышу от его хозяина предупреждение серьезным тоном. — Джек, ко мне!

Не обращая на него внимания, псина срывается с места как по свистку, и я успеваю в ужасе прокричать:

— Уголё-о-о-о-к!

И мужчина резко:

— Джек!

Звуки настоящего хаоса наполняют тихий уютный дом, где когда-то царила спокойная атмосфера. Погоня одного животного за другим сопровождается грохотом, топотом, звонким собачьим лаем, руганью нежданного гостя и моим предынфарктным состоянием.

Ритмичный лай собаки громко разносится в пространстве, заставляя стены дрожать, а окна трещать. Мебель скрипит, настольные лампы и цветные горшки летят на пол, шторы ходят ходуном.

Это адская охота на моего бедного кота набирает обороты. Он не сдается, скользит по полу, мягкими прыжками снует туда-сюда, заставляя псину гонять его по всем уголкам дома. Уголёк же переворачивает все на своем пути, теряя собственную шерсть.

— Держи ее! — кричит человек, из-за которого начался весь сыр-бор.

Кого?!

Собаку? Кота?!

Оказывается елку.

Тьфу, ты!

Двухметровую. Новогоднюю такую, украшенную всякой мишурой.

И почему-то именно сейчас я замечаю ее в центре гостиной у камина, куда добираются проказливые домашние питомцы.

Поздно.

Всего один кошачий прыжок и новогодняя ель, словно пизанская башня, склоняется на бок, затем и вовсе метит в сторону. На наших изумленных глазах она с треском и шорохом катится по полу, уничтожая новогодние украшения.

Все притихли. Все замерли. Даже собака с котом прекращают свои догонялки, словно понимают, что они натворили делов. Уголёк ищет защиты, запрыгивая мне на руки. Брюнет

хватается руками за голову, глядя на учиненный бардак. Его собака ложится рядом, утыкаясь виновато мордой в лапы.

Конец спектакля. Занавес. Аплодисментов не нужно. Все возвращаются в реальность, постепенно оттаивая и реагируя на звонок, который откуда-то издает тихую жалобную мелодию. Пока откапываю свой телефон среди вещей, он замолкает. А затем звонит снова.

— Мама?

Придерживая телефон плечом, топаю в гостиную с котом в руках, где учинили переполох.

— Ксюш, ну, ты где? Я тебя обыскалась везде, — тараторит она взволнованно.

— Я.. не в городе, — глаза впиваются в широкую спину незнакомца. Он озадаченно чешет темный затылок.

— Я это поняла. Где ты сейчас?

— В доме у бабушки...

— Где?! — не слышно ей.

В гнезде, — психую про себя.

— В доме, где раньше жила бабуля, — говорю внятно, и мужчина оборачивается на меня.

— Чего? — не веря мне, хихикает в трубку. — Ксюш, я ж его продала на прошлой неделе.

— Как? Продала...

Прищуренный голубоглазый взгляд впивается в мое ошарашенное лицо, посылая табун мурашек по телу.

— Так и продала! — передразнивает она.

— Кому?! — чувствую, как земля под ногами проваливается.

— Да парню одному, он еще с собакой был. Филипп вроде бы зовут, вот только фамилию не помню.

— Филипп? — спрашиваю ее, вытаращив на него глаза. С легкой улыбкой на губах, он кивает головой.

— Ага, а главное, так выгодно еще продала. Подкинул сверху денег. Хороший парень. Я тебе говорила, ты чем слушала?

В смысле, продала?

Ну, ты, блин, мама даешь!

Глава 3

Ксения

На прошлой неделе...

Господи, мне бы вспомнить, какой вообще сегодня день.

Кроме художественной выставки подруги и встречи писателей детективных романов, ничего не припоминаю.

А-а-а...

Стоп.

Кажется?..

Активно шевелю мозгами.

Пф-ф... Нет.

Словно память отшибло.

Со своими книжками я белого света не вижу, погружаюсь в сюжеты с головой, а мама хочет, чтобы я помнила все ее телефонные разговоры?

— Ой, прости, дорогая. Скоро переведу твою долю от продажи. Только на следующей неделе, обещаю.

— Перезвоню, — отвечаю ей коротко и нажимаю отбой.

Продать этот дом?! Даже и речи об этом не было никогда.

Да она сумасшедшая!

Я, кажется, тоже.

На мне все еще эта несчастная мокрая тряпка, в которую превратилось полотенце, и на голове бесформенные влажные волосы. Чучело, одним словом.

— Елки-палки, — бубнит этот Филипп, поднимая огромную ель с пола.

Ему удастся ее выровнять, вернуть ей первоначальное вертикальное положение. Правда, выглядит елочка, мягко говоря, хреново.

Пышная, но, потеряв большую часть украшений, она кажется скудной.

— Вроде бы целая, а вот игрушкам точно хана, — почесывает он свой щетинистый подбородок.

— Это ты елку здесь соорудил?

Он считает ненужным отвечать на мой вопрос.

Интересно, чем он подкупил мою мать?

Внешностью? Вероятно.

Голосом? Тоже вариант.

Манерой поведения? Так-то он ведет себя не лучше свиньи, и с общением у него совсем беда, зато в остальном...

— В чулане есть игрушки моего детства. Можно ими нарядить елку заново, — зачем-то предлагаю ему, и осекаюсь.

Он опять смотрит на меня своим взглядом из-под бровей, отчего мне хочется прикусить свой язык.

— Не смотри на меня так, — предупреждаю, грозя пальцем.

— Как?

— Как будто хочешь первым делом выгнать из... дома.

Проводит рукой по волосам, напрягая мышцы. Я заморожено слежу за этим движением. Затем смещаю свой взгляд на крепкий голый торс.

Ёшкин кот.

Мне нужно срочно уезжать отсюда, иначе...

— Метла знаешь где? — выдергивает он меня из забытья.

Моргаю несколько раз, проигрывая заново его фразу.

— Ч-что? Какая метла?

— Обыкновенная, на которой ведьмы летают.

Усмехается едко.

— Давай прибери тут...

— Сейчас, только все брошу, — при этой фразе он лыбится шире.

Деловой, какой! Дом-то теперь его. Пусть сам тут шваброй машет.

Но, честно говоря, не смешно. А плакать хочется.

Сколько он заплатил матери, что она прям вся растаяла перед этой горой тестостерона и согласилась продать наш райский уголок?

Сколько? Узнаю же...

Опустив кота на пол, и игнорируя его реакцию, двигаюсь к елке, чтобы оценить масштабы погрома. Внезапно острая тупая боль пронзает босую стопу.

— Ай! — пишу, хватаясь за ногу, но успеваю другой рукой удержать болтающееся на себе полотенце.

— Осторожно! Здесь же осколки от елочных игрушек, — слышу строгое замечание в свою сторону.

Лучше бы помог мне, а то стоит и протыкает насквозь недовольным взглядом.

Боже, как я умудрилась вляпаться во все это?

Жалею себя, и одновременно плюхаюсь на диван, держась за стопу.

— Дай посмотрю, — он уже рядом, вибрирует своим хриловатым голосом и прикасается к моей ноге.

Внимательно осматривает, трогая подушечкой пальца рядом с порезом, пока я не дышу.

— Так болит? — нажимает.

— Не очень.

— А так?

— Покалывает немного.

На самом деле, ничего не чувствую, кроме древесного аромата его одеколона, обволакивающего мои ноздри.

— До свадьбы заживет, — делает вывод и встает с колен, на минуту лишая меня своего присутствия. — Где здесь аптечка?

— На кухне, в одном из шкафчиков... — мямлю как дура, потому что не могу оторваться от его глаз.

Они хамелеоны? То синие, то зеленые. Не разберу.

— Сиди, я за перекисью, — чувствуется, он раздражен.

— Угу, — провожаю это скульптурное тело, пока оно не исчезает за дверью.

И что мне теперь делать? — погруженная в свои мысли, проговариваю вслух.

Смотрю в одну точку перед собой, тугο соображая, как быть дальше. Остаться я здесь не могу. На каких правах? А еще за окном метель поднялась как назло.

Мама, мама, ну, какого лешего ты...

— Выпрями ногу, — уже опять возле меня обдает теплом своего тела.

Я немного шугаюсь, но делаю, как он велит.

— Ш-ш-ш. Щипит, — скулю.

— Потерпишь, — говорит резко, но тут же дует на ранку с такой заботой, что у меня все плывет перед глазами.

Тонкий запах антисептика распространяется по воздуху, когда Филипп аккуратно прижигает рану, дезинфицируя. Его ухоженные пальцы легкие, словно перышки, не вызывающие боли или дискомфорта. Он прикладывает ватный спонжик медленным движением.

Этот мужчина врач? Или?.. Так сразу и не поймешь.

После такой тщательной и заботливой обработки, мне хочется превратиться в кошку, и в знак благодарности свернуться у него на коленях.

Я почти выполняю свою прихоть, тянусь к нему носом, улавливая нотки мужественности, поддаваясь его необычайной привлекательности, пока... Белая собака не пробуждает меня своим скулежом.

Надеюсь, этот Филипп не тупой, и мой намек поймет, как надо.

Ну, куда я сейчас поеду в такую пургу?

— Мама сказала, что ты хороший парень, — начинаю петь вступление сладким голосом. Даже самой противно.

— Настолько, что приходится терпеть у себя весь этот сыр-бор, — нарочно акцентирует на последних словах, потирая скулу.

Я уже говорила, что он хам?

Глава 4

Ксения

Уголёк, свернувшись в клубок, лежит у меня на животе, пока я прихожу в себя в спальне, которую заняла своими вещами. В спешке раскидала одежду по всем углам комнаты, когда искала, что на себя надеть. А ведь придется собирать все это обратно в чемодан.

Филипп прямо не ответил на мой намек, можно ли мне остаться здесь и переждать метель.

Нет, значит, нет. Возможно, у такого красавца есть женщина, которая может появиться в этом доме с минуту на минуту. А я тут красовалась перед ним в одном полотенце, рискуя соблазнить эту непробиваемую скалу шарма и мышц.

Кошмар какой!

Я, правда, не заметила у него обручального кольца на пальце, но ведь это ни о чем не говорит.

Тяжело вздыхаю, представляя, как парень дает мне пинка под зад и я... лечу со скользкого крыльца прямо головой в снег. И позади себя слышу отчетливый хлопок дверию.

Гостеприимно, не иначе.

Заслужено? Скорее да, чем нет.

Я вела себя не очень прилично в...гостях. Мы с Угольком вели себя не очень прилично.

— Да, мой хороший?

Задумчиво чешу кота за ушком, понятия не имея, как быть дальше.

Нет. Я понимаю, что здесь оставаться не могу. На каких правах, если хозяин этого дома теперь не я? Поэтому мне светит одна дорога — вернуться в город и продолжить свою прежнюю жизнь.

Без Галимова, — раз. Придется где-то снять квартиру — два. И три... Что-то менять в своей жизни. Безусловно, можно загадать желание, ведь скоро Новый год. А что он нам принесит? Веру в сказку и волшебство. Вот и мне, ничего не остается больше, как надеяться на чудо.

Собачий лай на весь дом привлекает наше с Угольком внимание. Кот напрягается, лежа на мне, а после еще одного такого громкого отрывистого звука, спрыгивает на пол и прячется под кроватью.

Не знаю, что там стряслось у нового хозяина, но крепкая его ругань разносится по дому. Вместе с ней я чувствую неприятный запах гари.

Горим! — первая мысль ударяет в голову, и я уже несусь туда, откуда исходит противный запах.

Вся кухня в клубах смоляного тумана, который постепенно обволакивает своей густой пеленой все пространство. И запах кулинарных неудач Филиппа ничем не скрыть.

— Твою мать, — цедит он сквозь зубы, стоя возле плиты. В его крепких руках дымится сковородка.

Я принимаюсь кашлять, машу перед лицом рукой, и двигаюсь в сторону окна. Первым делом здесь необходимо всё проветрить.

— Все нормально, не пожар, — бурчит он через плечо, пока открываю форточку.

— Это что? — подбородком указываю на угли в сковородке.

— Яичница. Была.

Собака где-то рядом крутится, стуча по полу когтями, пока ее хозяин пакует свой несостоявшийся ужин в отдельный для мусора пакет.

— Яичница на ужин? Seriously?

— Какие предложения?

— Не знаю. Ну, не собачий же корм есть, — показываю пальцем на огромную упаковку в углу.

— У меня нет времени щи варить, а доставка в такую погоду не работает. Ч-черт, — психует он, обжигая пальцы.

Открываю холодильник, и прикидываю, что можно сварганить из того, что там имеется.

Два яйца и огурец.

Кошусь на хозяина.

Так, что еще?

М-да, не густо, а пусто. Как и в моем желудке, который своеобразным звуком напоминает мне о том, что вся моя сегодняшняя трапеза состояла из кружки кофе.

Закрываю дверцу, выдыхая растеряннo, и наблюдаю за Филиппом. Тем временем он тщательно отмывает сковородку в раковине. Ловко и умело он с ней обходится. Почему же к приготовлению пищи не лежат эти божественные руки?

— Сильно голоден? — интересуюсь у него.

— Чай попил, нормально, — не глядя на меня, вытирает руки об полотенце. — Там еще немного осталось, можешь угоститься.

Какой заботливый.

Далее, подзвав к себе пса и потрепав того за холку, он разворачивается и выходит из кухни, оставляя меня одну.

Избегает или?..

Ну, конечно, я ведь ему никто. Но если бы сильно желал выгнать меня отсюда, то сказал бы об этом прямо.

И пока он не передумал, я не могу оставить ситуацию с углями нерешенной, а мужика — голодным, поскольку я добрая и заботливая девушка.

Поэтому думай, Ксюша, думай.

Глазами шарю по всем полкам, дотягиваюсь руками и обнаруживаю муку. Пойдет. Так же помню, была где-то припрятана банка тушенки и упаковка спагетти.

Есть!

Ха!

Надо места знать, мистер Филипп-влип!

Улыбаюсь своей находке и принимаюсь за готовку. От готовки меня никто не отвлекает, разве что Джек крутится под ногами в надежде, что и ему перепадет. Если только пару кусочков.

Проходит буквально сорок-пятьдесят минут, и хозяин уже сам волочит свои ноги на запах нормальной, в моем случае не горелой, еды.

— Мой руки и садись, — повторяю его тон и манеры, пока он стоит, подпирая плечом дверной косяк.

Теперь я тут командир, понял! — смотрю на него с вызовом.

— Давай помогу, — он отделяет себя от дверного проема, двигается в сторону раковины, а затем становится рядом со мной.

Ну, вот опять. Мои мозги железные от его аромата и близости. Филипп отбирает у меня кастрюлю со сваренными макаронами и аккуратно раскладывает блюдо по тарелкам. В очередной раз замороженно наблюдаю за движениями его рук. Снова подмечаю, как выполняет все неторопливо и уверенно.

— Был бы еще томатный соус, — его голос вибрирует у моего уха.

— Нет соуса, но есть кое-что другое. Я мигом.

Вспоминаю, что в погребе осталось несколько бабушкиных закаток для такого случая. Обнаружив маринад и соленья, радостная возвращаюсь на кухню.

— Вот, — ставлю перед ним банку. — Очень даже вкусное дополнение. Моя бабушка делала.

К моему возвращению на столе возникает картина, пропитанная аппетитным и подкупающим ароматом. На вершине пасты кусочки тушенки вызывают ассоциации с настоящим мясом. А рядышком две яичницы совершенно не лишние в этом натюрморте.

— Погода за окном гадкая, — извлекает из себя фразу теперешний хозяин этого дома. — Так что ты можешь остаться на день, на два... Как тебе будет угодно.

Я думала, мы в молчании проведем весь этот ужин, но немногословный парень, как ни странно, намерен поболтать.

— Спасибо, Филипп.

— Зови меня Фил, — просит он, и я тут же изображаю на лице почтительную улыбочку.

— Фил, к сожалению, вынуждена отказаться от твоего предложения, — делаю серьезный вид, работая столовыми приборами.

На самом деле, я хочу остаться. Очень. Но я же девочка и для начала мне нужно поломаться.

— Я не кусаюсь, — произносит обычным тоном, и легкий смешок вылетает из моего рта.

— Ты нет. Но...

— Как тебя зовут? — все-таки ему интересно.

— Ксюша. Зови меня Ксю.

— Ксю, — произносит так, словно смакует мое имя на кончике языка. — Чувствуй себя как дома, Ксю. Спасибо за ужин.

Встает с места и несет тарелку в раковину.

И тебе спасибо, что разрешил, — иронизирую про себя, прилипая взглядом к его крепкой заднице в джинсах.

Помоги мне, боже!

В этот момент в коридоре раздается звонок в дверь, и Фил спешит открыть гостю.

Кого там черти принесли в такую-то погоду?

Жену? — почти давлюсь от возможной догадки.

— Ох, добрый вечер. Вы, должно быть, Филипп — новый собственник этого замечательного дома? — слышу очень знакомый женский щебет.

Неужто Светка Коромылова? Пигалица здешняя, охотница на холостяков.

Прекращаю жевать, потому что пропускаю ответ Фила на женский плохо скрываемый интерес.

— В нашем небольшом городке существует традиция знакомства... — заливает она ему сладким голосом.

Как проникнуть в постель неженатого мужика при помощи пирога?

Ну, уж нет, милочка. Этот номер у тебя не пройдет.

Бросаю салфетку на стол, оставляю на тарелке ужин, и спешу Филу на помощь.

Глава 5

Филипп

— Я испекла для вас пирог, — проговаривают полные губы, испачканные красной помадой.

Почему испачканные? Да по-другому не назовешь эту мазню на розовощеком лице блондинки с огромными голубыми глазами и неестественно длинными ресницами. Ее рот притягивает внимание, откровенно зазывает на близкое знакомство. Глаза сверкают от волнения, и она улыбается, будто ожидает от меня не менее радостного восприятия.

Ей рад только Джек, и здесь его интересует пирог больше, судя по тому, как весело он прыгает, танцуя возле соседки и норовя воткнуть свой любопытный нюх в угощение.

— Прости, милый пёсик, но для тебя ничего нет, — лебезит она перед ним, когда он разочарованно поскуливает.

— Так что, вы, собственно, хотели? — перехожу я к делу, поглаживая собаку рукой.

— Как что? Познакомиться поближе со своим соседом, — хлопает ресницами так, что взлетит.

— И для этого испекли пирог? — вскидываю бровь.

— Хочу вас просто угостить.

Конечно, просто. Взглядом пожирает мой обнаженный торс, от вида которого у нее заметно капает слюна. Я так-то вообще никого не ждал.

— Я не голоден, — стараюсь быть как можно вежливей с дамой, чье появление здесь ни в пять, ни в десять.

Мне достаточно другой особы, с неожиданным возникновением которой не нахожу себе места уже как несколько часов.

— Нет, нет, — протягивает поднос с выпечкой — Вы должны попробовать. Я старалась...

Не ждет от меня ответа, напирает своими двумя... бидонами, которые еще немного и разорвут натянутые на ее дубленке пуговицы. Пыхтит, но проталкивает меня с порога в коридор, не боясь предупреждающего собачьего лая.

Интересно, в этом селении все такие? Нахальные...

— Спасибо. Но я очень занят, — стараюсь быть непреклонным, складываю руки на груди.

— Я ненадолго, — как будто не слышит, принимается одной рукой ослаблять шарф на шее, открывая вид на свое огромной величины богатство. — Фух, как жарко у вас.

Даже бровью не веду, чтобы помочь ей раздеться и чувствовать себя как дома.

Я никого сегодня не ждал. Я хотел тишины и спокойствия, уединиться в обычном домике, поработать над одним проектом, пообщаться с зимней природой, побыть наедине с собой. И все пошло через одно место, когда неожиданно на мою голову свалилась одна длинноногая брюнетка, которая в данный момент странно притихла, сидя за столом на кухне. Гарантирую, в беседе она присутствует ушами.

— Должна заметить, с вашим переездом этот дом обрел новое дыхание, — соседка стреляет глазами по всем углам. — Прежние хозяева были такими безвкусными неряхами.

— Заблуждаетесь, прежние жильцы очень аккуратны. Я и пальцем не пошевелил, чтобы что-то здесь менять. Меня все устраивает, — выдавливаю улыбку, желая, чтобы назойливая муха поскорее исчезла.

— Я Света, — блондинка протягивает руку для знакомства.

— Филипп, — пожимаю в ответ.

— Боже, как вам идет это имя, — хихикает, с наигранным смущением поправляет пальцами одной руки прическу. Второй рукой все еще держит проклятый поднос, который я наотрез отказываюсь принимать. Это будет означать, что я соглашусь на ее «знакомство».

— А вы к нам надолго? — жует красные губы.

Хотелось бы, навсегда, но не получится.

— На некоторое время.

Мои ближайшие планы никого не должны волновать, а таких, как эта молодая женщина, и подавно.

— Жаль, — морщит носик. — Я слышала, вы ветеринар?

— Достаточно увлекательное занятие, — отвечаю ей, надеясь на то, что дама сообразительная, и расценит мои сухие ответы, как нежелание знакомиться «поближе».

Не тут-то было.

— Ох, согласна с вами, — хохочет флиртуя. — Нет, ничего увлекательнее, чем уделять внимание бедным... кхм... кискам.

Вот как?

Мои брови иронично взлетают вверх. А ведь даже пальцами щелкать не приходится, поскольку на ее убеждение следует ответ. Но не из моего рта.

— Действительно, — темноволосая фурия, обитающая в моем доме, уже тут как тут. — Это такое занятное и требующее особенных усилий действие, — помогать бедным несчастным кискам. Да, милый?

Кошусь на нее, пока мой локоть обхватывают теплые женские руки, и в щеку, покрытую щетиной, клюют мягкие губы.

— Кхм, — откашливаюсь, загнанный в тупик.

— Ксюха? — разочарованно мямлит Светлана, опуская руки с подносом.

— Светка? — повторяет за ней.

— Ты разве, — обводит нас сощуренным взглядом, цепляясь за каждую деталь, — не должна быть в городе?

— А с какого перепугу я должна там быть? — ластится ко мне своим еще одним легким поцелуем в щеку, глядя на свою ошеломленную подругу.

— Ну, вы же дом продали? — интересуется, не веря.

— Кому? — играет та в дурочку.

— Ему, — указывает на меня подбородком соседка.

— Смеешься? — веселиться Ксю. — Как я могу продать дом своему...мужу?

Вот это поворот.

Внутренне забавляясь, жду продолжения.

— Что-то я не слышала, чтобы ты, — вновь мажет по мне взглядом, — замуж вышла.

— Зато увидела, — непринужденно отвечает ей Ксюша, выхватывая поднос с пирогом из рук соседки. — Прости, дорогая, — выпроваживает ее, пока я молча ржу над этим действием. — Но нас с мужем ждет очередное спасение бедной киски. Чао!

И громко захлопывает за потрясенной Светкой дверь.

Поворачивается ко мне, сдувая с лица выбившуюся прядку темных волос. Радостный и победный блеск ее карих глаз от меня не скрыть.

— Что? — интересуется на мою усмешку, выгнув тонкие брови.

— Ничего, — сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться в голос.

Хмыкая в ответ, незнакомка, которая успела навести тут шороху, гарцует мимо меня с гордо поднятой головой.

Забавная.

— Не слышу твоего «спасибо», — произносит с укором, когда плетусь за ней, в который раз оценивая ее вид сзади.

Спереди тоже хороша, не спорю.

— За ужин я уже сказал тебе спасибо, — вхожу на кухню, наблюдая за тем, как выкладывает пирог на тарелку. — Я должен благодарить тебя еще за что-то?

— Если бы не я, та девица набросилась бы и сожрала тебя, — посылает мне прямой взгляд. — Так что, да. Будь добр, вырази свою благодарность. Я тебя спасла.

— Я разве просил меня спасти? — упираюсь плечом в дверной косяк.

Румянец вспыхивает на ее симпатичном личике, и меня вся эта ситуация слишком забавляет, чтобы просто так отпустить ее.

— Еще скажи, что хотел быть съеденным на ужин этой...

— Но уж точно не быть твоим мужем. Ты серьезно? — перебиваю возмущение, упиваясь им и тем чувством, которое ярко отражает ее ревность.

— А что, слабо? В штаны наделал? — подходит ко мне, бросая вызов, протыкая насквозь горящим взглядом.

Полегче, такой размах может и с ног сбить. Но я устою.

— Эй! — тут же летит мне в спину, когда, не проронив ни слова, разворачиваюсь и бреду в коридор.

— Джек! — свистом зову собаку, игнорируя чудачку.

Срываю со спинки стула свитер, чтобы натянуть вязаную вещь на себя. Затем утопаю ногами в ботинки и снимаю с вешалки верхнюю одежду.

Метель за окном закончилась так же неожиданно, как и началась.

— Ты куда?

Незваная гостья стоит надо мной и в замешательстве наблюдает за тем, как наигранно спешу свалить отсюда.

Браво! Эта ненормальная просто с налету вживается в роль жены.

— Туда, где требуется помощь несчастным бедным кискам, — я тоже преуспеваю в этом деле. — Буду поздно.

Открыв нараспашку входную дверь, выпускаю во двор собаку, ненамеренно обдавая холодом помещение. И, к своему счастью, успеваю оказаться за пределами дома раньше, чем схлопотать по мозгам.

Мда-а... Чувствую, веселья мне не избежать, — усмехаясь в тишину морозного вечера, я глубоко затягиваюсь никотином.

Глава 6

Филипп

Дышу вечерним морозным воздухом уже минут тридцать. Рискую отморозить себе все конечности и задницу, но домой пока не спешу. По одной простой причине.

Ксюша.

Если эта чокнутая шутница примется вновь бродить по дому в прозрачной влажной тряпке, ей несдобровать. Я не железный. Мне нравятся такие девушки, как она. Мой совершенный типаж.

Выгонять я ее не стану, вижу же по глазам, что толком пойти некуда. Вероятнее всего, в ее жизни произошли перемены, раз она, не зная о продаже дома, прикатила сюда неожиданно. Хорошо, что замок не успел поменять, да и честно, не собирался. Все равно я здесь надолго не задержусь. Уеду сразу же после нового года. Вряд ли вернусь сюда обратно. Если только следующей зимой.

Был здесь недавно проездом, места понравились. Решил домик невзрачный купить вот для таких случаев. Купил. Не успел заехать, расположиться, как меня ждал сюрприз в виде симпатичной обладательницы длинных стройных ног, едва прикрытых полотенцем.

Я сначала подумал, что это чей-то розыгрыш. Как позже оказалось, жертвой розыгрыша стал не я.

С Джеком медленно бредем вдоль узких улочек, полных старинных домиков. На их окнах виднеются подсвеченные елочки, дворы украшены гирляндами и новогодними игрушками.

Новый год наступит через пару дней, а праздник вовсе не ощущается. Со своим бешеным графиком жизни я совсем забыл, каково это, чувствовать волшебство, уют, тепло или радоваться мелочам. Просто дышать и жить. Постоянные перелеты, совещания, недосып сделали из меня мумию. Даже сердце в тридцать с хвостиком пошаливать начало. Вот я и решил уединиться в глуши, доработать все свои проекты в спокойной обстановке. Но одного не учел. Интернет, конечно, здесь никакой. Тянет дерьмово, а это еще один знак того, чтобы я все бросил и отдохнул.

Собаку завел. С недавних пор люблю собак больше, чем людей.

— Да, алло? — в кармане куртки на удивление вибрирует телефон.

Значит, в некоторых местах тут ловит сеть.

— Как оно? — Жора на проводе.

— Не сдох и ладно, — изо рта выпускаю клубки пара.

Друг смеется.

— Нет, ты нам всем нужен живой.

— Прямо уж всем?

— Мне так точно.

Повисает недолгая пауза, затем Жора продолжает разговоры об офисе и новой сотруднице с внушительными округлостями, а я... думаю, как бы поскорее очутиться в каком-нибудь теплом помещении. Джек поддерживает мою идею скулежом. Мы забрели в какую-то глушь, и не соображу, куда свернуть, поскольку мозги от мороза скукожились.

— Ну, ты как в целом? Отошел уже? — именно по этому поводу звонит мне Жора, начав издалека.

— Нормально все, — типичная успокаивающая фраза, когда случается какая-то жопа.

— Не помирились?

— Не-а, — я, вроде как, и не очень к примирению стремлюсь.

Мы окончательно расстались.

Год жили с Леной, не тужили, и на тебе! Девушка бросает меня из-за моей повышенной работоспособности. Я не предпринимал попыток к сближению. Оставил все, как есть. Оставил нас в покое.

— Ну, ты не раскисай, — начинает он подбадривать, тем временем, большое двухэтажное здание с горячей завлекательной вывеской «По кружечке» вырисовывается перед глазами. — Новый год на носу, надеюсь, не доведется тебе в одиночестве его встречать?

Честно говоря, всегда этот праздник был для меня в тягость. Как правило, тридцать первого декабря я работал. Работал и еще раз работал. А поздно вечером должен был выглядеть и чувствовать себя огурцом, что означало не спать, а гулять с Леной и другими близкими мне людьми до победного конца.

В этом году я решил, что праздника не будет. Наконец-то выплусь.

— Ты если что, пиши, я ж приеду. Ребят с собой прихвачу. Хату новую покажешь.

Только этого мне еще не хватало.

— Ага, ладно, — быстро соглашаюсь, когда отпираю дверь кабака, название которого вызывает ощущение домашнего комфорта и теплой атмосферы. — Давай отбой.

— До связи.

Я пропускаю Джека вперед, придерживая тяжелые деревянные двери. Затем сам оказываюсь внутри помещения с характерной атмосферой трактира. Зал рассчитан на несколько деревянных столов и барную стойку. Кованые подсвечники, светящиеся приглушенным светом, добавляют уюта и романтики заведению, как бы забавно это ни звучало.

Певучий голос шелестит из колонок, расставленных по всему помещению. Стены украшены многочисленными картинами, на которых изображены разные виды пива. На барной стойке можно увидеть сотни разнообразных кружек с яркими логотипами и индивидуальными надписями.

Просто и со вкусом. То, что здесь тепло, это уже неплохо. Заведение, к моему удивлению, полупустое. Так даже лучше, никто на мое появление с собакой фыркать не станет. Услышать смех, шепот и громкие разговоры сегодня не суждено, да я и не намерен с кем-то из присутствующих вести беседы по душам.

— Добрый вечер, — первым обращаюсь к барменше, которая занята смешиванием коктейлей. — Я с собакой. Джек добрый малый. Просто рядышком посидит.

Пару раз легонько хлопаю по нему рукой, от чего пес послушно садится, наострив свои уши.

— Добрый вечер, желаете что-нибудь особенное? — спрашивает девушка, рассматривая меня с особым любопытством.

— Я буду бокальчик темного, — присаживаюсь на высокий барный стул и сцепляю пальцы в замок перед собой.

— А собака? — перегнувшись через столешницу, улыбается ей.

— Что можете предложить?

Она подталкивает в мою сторону меню.

— Похлебку.

— Похлебку?

— Да, — ее дружелюбная улыбка все еще сияет на губах.

Как интересно.

— Вы будете ее готовить специально для мохнатого посетителя? — не веря своим ушам, приподнимаю вопросительно бровь.

— Для ветеринара нашего небольшого городка и его любимого питомца мы сделаем все, что пожелаете, — поет она ровно. — И за счет заведения.

Просто сказка.

Я, конечно, офигеваю от того, с какой скоростью распространяется сплетня. Но должен заметить, что такой поклон и учтивость мне очень не нравится.

Глава 7

Филипп

Не проходит и десяти минут, а Джеку несут уже похлебку.

— М-м-м, — втягиваю аромат носом, когда миску с блюдом проносят мимо меня. — Пахнет вкусно. Что там?

Барменша Таня, имя которой я прочел на бейдже, принимается расхваливать еду для моей собаки. Джек с удовольствием погружает свою морду в эту жижу. С приятным, должен заметить, запахом.

— Индейка с овощами: морковь, брокколи и сладкий картофель. Они обогащают похлебку витаминами и минералами, способствуют пищеварению и укреплению иммунитета.

— А что насчет клетчатки? — спрашиваю с важным видом человека, которого все здесь считают ветеринаром.

— Не волнуйтесь, наш повар не забыл о зеленых листьях и травах. И, кажется, вашему питомцу еда нравится.

Это точно.

Джека теперь за уши не оттянешь. Вся его мордочка тонет в миске, которая стоит на полу. Он с удовольствием вылизывает каждую каплю похлебки. Выражение его морды довольное, а значит, пес получает от трапезы истинное наслаждение.

— Повторить? — интересуется Таня, указывая подбородком на мой пустой бокал.

— Не будет лишним.

Я посылаю ей легкую улыбку в знак почтения. Кручу головой по сторонам, глядя на это заведение с другой стороны — положительной. И на этот раз замечаю присутствие новогодних украшений. А на небольшом выступе в форме сцены — елку. Маленькую и захудаленькую, но все-таки елку.

— А у вас тут уютненько, — делаю вывод, но это не комплимент. Это во мне оттяг играет и теплая обстановка плавит мозги. Или это еще отголоски дневного эффекта неожиданности в коротком полотенце.

— У нас здесь по утрам весело и шумно, — Таня подставляет бокал под краник, который торчит из бочки.

— А по вечерам?

— Привычный мордобой, — отвечает она спокойно.

— Что-то незаметно.

— Еще не вечер, — звучит перспективно.

Татьяна протягивает мне наполненный до краев бокал. Подношу ко рту и делаю глоток жидкости, которая течет через губы, придавая языку тонкую горчинку, сопровождаемую мягким шипением в горле.

Вновь кручусь на стуле, оглядывая забегаловку. Вижу одного мужика. Сидит себе за столиком. Подчехляется, никого не трогает.

— А что тут за веселье по утрам? — еще один глоток.

— Детские утренники через дорогу в клубе.

Вся пенистая жидкость идет носом.

— К-какие утренники? — закашливаюсь.

— Новогодние, какие ж еще? — она протягивает мне салфетку. — После они бегут сюда угощаться сладостями. У нас здесь свой дед Мороз имеется...

Ничего себе.

Удивляюсь и поворачиваю голову на выкрик позади.

— С наступающим Новым годом, мать его етить! — орет тот мужик, который далек от состояния «стеклышка».

— Семеныч, — поясняет мне барменша, наклонившись ближе. — Остался один утренник, — недовольно цокает языком. — Он его не потянет. Значит, детишки останутся без представления и подарков.

— Протрезвеет до утра, — утешаю ее.

Наши взгляды устремлены в сторону столика, где чужак пытается выползти из-за него и встать на ноги. Но тут же валится на стул, крепко выражаясь.

— Наверяд ли, — вздыхает Таня. — Жаль, он всегда так бесподобно олицетворяет этого веселого старика...

— Найдите ему замену. Делов-то... — предлагаю простой выход из ситуации.

Чувствую на себе ее пристальный взгляд, когда подношу кружку к губам.

— Что?

Брови непроизвольно ползут на лоб, когда догадываюсь, о чем думает эта барменша.

— Я заметила, у вас есть потенциал.

— Ты что, шутишь? — смеюсь.

— Нет, я серьезно. И Джека можно было бы использовать...

— Вместо оленя? Ну-ну, — продолжаю посмеиваться, и боковым зрением замечаю движение.

Двое незнакомых парней входят в заведение и оценивают обстановку. Они шарят глазами по помещению, тычут в посетителей пальцами, не скрывая наглых усмешек.

Шпана одним словом.

— Выступать на сцене — это не мое, — вновь поворачиваюсь к барменше.

Как и животных лечить. Но молчу об этом. Самому интересно, к чему такая перспектива приведет.

— Семеныч тоже раньше боялся, а теперь вот, из образа не выходит.

Шутница однако.

А потом вздыхает и принимается протирать тряпкой столешницу.

— Жаль, детки останутся без праздника.

Невесело, согласен.

— Среди них есть один мальчишка, который ждет этого мероприятия больше, чем свой день рождения.

Вспоминаю себя маленьким: день рождения это совсем другое, а вот Новый год...

— Что не так с этим мальчиком?

— С ним все хорошо, а вот с его родителями, — вдруг замолкает она. — Детдомовский он.

Печально.

— Как пацана зовут?

— Алешка.

— Среди детей есть еще сироты?

— Остальные все пристроены.

Задумавшись о своем, пялюсь на дно кружки, которую уже успел опустошить. Становится совсем грустно за пацана и, вместе с тем, просыпается интерес к нему. Как он выглядит, тепло ли одет, вкусно ли накормлен...

Думаю, на сегодня отдыха с меня достаточно. Да и Джек заволновался: вьется возле моего стула, прося добавки. Или хочет выбежать наружу по нужде?

— Переоденьте кого-нибудь в Снегурочку, — предлагаю еще один вариант. — Женщин у вас здесь достаточно. Все яркие и выразительные, — не стесняюсь, обозначаю руками округлые у них места, и Таня поддерживает меня смехом. — А детям скажите, заболел дед Мороз.

— Да в том и дело, что он «болеет» уже неделю, — с досадой бросает тряпку на стол.
— А Снегурочкой у нас заделалась баба Шура. Сами понимаете, не смахивает она на внучку Семеныча.

Гляжу опять на него.

Тут Семеныч, похоже, сам на себя не похож. Надо спасать.

— А вот в роли Снегурочки очень хорошо бы смотрелась ваша...

Мой взгляд смещается на вход в момент, когда собака пару раз громко тявкает на образовавшийся возле столиков шум, и в дверях заведения «По кружечке» возникает она.

Вся запыхавшаяся, розовощекая, недовольная. Но красивая.

Глава 8

Филипп

Похоже, я никуда не уйду.

— Сидеть, Джек, — придерживаю пса за ошейник, когда он хочет ринуться в сторону эффектно появившейся в дверях бывшей хозяйки моего дома.

Увидев меня, Ксю дефилирует мимо с гордо приподнятой головой, игнорируя все на свете. Но собака не слушается, так и хочет подбежать, чтобы обнюхать ее своим мокрым носом.

Как я Джека понимаю...

На ней коротенькая шубка, из-под которой виднеется юбка не длиннее колена, и божественные ножки, обрамленные в сапожки на каблучках, активно цокают по полу.

Не скрывая своего любопытства, провожаю эту Снегурочку взглядом. Я не один такой. Все глаза присутствующих устремлены на нее. Как будто вдруг почувствовали с ее приходом какую-то невидимую энергию.

Не понял...

А шапка где? А перчатки?

Отморозит же себе все на свете, а мне потом реанимируй.

Хм, пожалуй, неплохая перспектива в ближайшее время. И потом, как тут все уверенно заявляют, она моя жена, значит, имею право лап... трогать своё.

Садится на высокий барный стул от меня за километр. Только рада моему псу, потому что тот, хитрый жук, уже крутится возле нее, получая порцию ее внимания. На меня же она не смотрит. И ведет себя так, будто никого не существует вокруг.

— Еще, — моя кружка скользит по столешнице в сторону барменши.

— Поссорились? — интересуется шепотом Татьяна.

Я поворачиваю голову, чтобы вновь наградить вниманием притягательную брюнетку и лишний разок мазнуть взглядом по ногам. В ответ она кладет свою шубу на соседний стул и принимается с серьезным видом копошиться в сумочке. В мою сторону опять полный ноль.

— Нет, — отвечаю своей собеседнице.

— А что тогда? — не унимается она.

А я знаю? — хочется у нее спросить, но с ответом не спешу. Наши терки никого не должны здесь волновать.

А ведь теперь и мне интересно, что Ксюша здесь забыла? То же, что и я — расслабления и забвения? Не меня же искать пришла? Или все же...?

Делаю очередной глоток, когда Таня уже ищет ответ на свой вопрос у Ксюши.

Та с улыбкой отзывается и делает заказ. Сразу видно, обе знакомы давно, потому что с легкостью принимаются общаться.

Обо мне на какое-то время забывают. Я даже приуныл из-за этого. Джек вовсе прилег под барной стойкой и посапывает. Изредка поднимает голову на шум, исходящий от Семеныча, который активно и громко общается со шпаной.

— Она сказала, что знать вас не знает, — возвращается Татьяна с новой сенсацией.

Вот как?

Задумчиво потираю подбородок. Тоже пытаюсь игнорировать притяжение неподалеку.

К черту эти закидоны!

Буравлю роковую красотку взглядом с приподнятой бровью. Теперь она гипнотизирует свой телефон. С серьезным видом читает новости.

Зачем их читать? Хочешь что-то новенькое, дуй в трактир напротив клуба, и узнаешь многое о себе. И не только...

— Я поняла, — поигрывает бровями барменша, стреляя в меня своими глазками. И что она поняла? Я лично нифига не понял.

— Что именно? — кручу пальцами кружку.

— Ну, это, — таращит на меня глаза, затем переводит их на Ксю.

— Что? — спрашиваю, как дурак, не вникая в суть.

Девушка тяжело вздыхает и наклоняется ко мне через барную стойку, являя моему взору глубокий вырез своей блузки. На троечку такую. С минусом.

— Вы затеяли со своей супругой ролевые игры, — тут же отстраняется и подмигивает мне.

Не понял.

— Какие игры?

— Ролевые, — повторяет она, сдерживая свою ухмылку.

Вот те раз.

Бросаю взгляд на свою соседку по бару и почти ловлю ее глаза, направленные на меня. Но она быстро их отводит в сторону. Делает вид, что пьет свой коктейль, и кокетливо двигает ножкой, которую закинула на другую ногу.

Не при делах она. Ну-ну...

— Ксюша тебе об этом сказала? — интересуюсь у Татьяны.

— Не сложно было догадаться. Ксения делает вид, что вас не знает. Вы тоже никак задницу свою от стула не оторвете.

— Допустим, — соглашаюсь с ней, хохотнув незаметно в кулак.

А эта игра, должен сказать, становится очень интересной.

— А мы ведь, девочки, хотим, чтобы все было красиво. Как в сказке...

Вдруг она облокачивается на столешницу и продолжает задумчиво выражать фантазии лирическим голосом:

— Вечер был спокойным, атмосфера в баре была теплой, с приятной музыкой, но что-то не давало ему покоя.

Понятия не имею, что вообще происходит? — мысленно соглашаюсь с ней, делая глоток из бокала.

— Он не мог оторвать от нее взгляда.

Мои глаза снова приклеены к Ксю.

— Она выглядела слишком изысканно...

Красотка согласен, но в полотенчике ей лучше.

— Слишком загадочно...

И подозрительно я бы добавил.

— Ее тонкие пальцы с красным кричащим маникюром обхватывали... — здесь Татьяна делает неожиданную паузу, заинтриговав. Я даже дышать перестаю. — Телефон, — блаженно выдыхает.

Уф-ф! Зря понадеялся.

— Какие мысли в ее голове сейчас? — моя собеседница не собирается выходить из образа. — Почему она погружена в свой мир, в который никого не впускает?

Действительно, что за ерунда такая? Я ей кто?! Муж или...?

— Ему казалось, он знает ее всю свою жизнь, но, в то же время, эта девушка была загадкой для него.

В этот момент Ксюша зачем-то хватается бутылку, которая стоит недалеко от нее.

— И тут она неожиданно встречает его взгляд, — продолжает бормотать барменша, как под гипнозом.

Ксю я нафиг не упал. Ее глаза направлены на столик, за которым Семеныч и его компания очень шумно ведут дебаты.

Я напрягаюсь, и моя собака как по команде вскакивает на лапы.

— Девушка выжидала, контролируя свои эмоции...

Разве? В нетерпении она стремительно приближается к ним, виляя своей пятой точкой.

— Он твердо решил найти путь к ее сердцу.

Какой-то сопляк из их компании позволяет себе нахально обхватить пятерней круглую задницу Ксю.

— А она...

Яростно бьет бутылкой по столу, оставляя в руке острое горлышко, которое теперь служит для нее защитным орудием.

Черт.

Допиваю до дна и с грохотом ставлю кружку на стол.

Вот и вечер подоспел.

Срываюсь с места до того, как начнется представление.

Глава 9

Ксения

— И что ты на этот раз, Соловьева, учудила? — старлей Говоров, которому я лет семь назад дала от ворот поворот, кажется, не может нарадоваться моему пребыванию в своем кабинете в качестве задержанной.

С важным видом изучает информацию на бумаге, в которой ярко описаны события в баре.

— Опять драку устроила? — смотрит на Филиппа, адресуя мне вопрос.

Не опять, а снова.

— Паш, да ерунда же, — усмирив свой пыл, принимаю оправдываться. Я его знаю, с ним шутки плохи. — Филипп здесь вообще ни при чем. Отпусти его, а?

— Так уж ни при чем, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.